

«ПУСТЬ ОТВЕТИТ САМ ХАЗАНОВ»

Письма любителей эстрады, касающиеся Геннадия Хазанова, можно разделить на две части: в одних чувствуется интерес к творческой работе артиста, другие же начинаются словами: «А правда, что...» — и пересказывают какой-то слух или совсем уж нелепый анекдот. К сожалению, популярные артисты никак не защищены от любителей «помыть косточки» известным людям...

Единственное средство от домыслов — гласность. Незадолго до Нового года московский журналист ВЛАДИМИР АЛЬБИН встретился с Геннадием Хазановым, сфотографировал его на рабочем месте и задал ему несколько наиболее важных вопросов. После чего любезно и почти безвозмездно передал снимок и текст беседы кооперативу «Волга-Волга».

Олег Татаринов
Г. Хазанов

18 ЯНВ 1988

— Геннадий Викторович, вы начали новый театральный сезон двумя спектаклями — «Избранное» и «Масенькине трагедии». У читателей в этой связи ряд вопросов: «Верно ли, что «Избранное» — это новая вывеска некогда запрещенного спектакля «Очевидное — невероятное» или это нечто иное?»; «Как считает сам артист: случился у «Масенькиных трагедий» столь привычный для Хазанова оглушительный успех, или произошла «осечка»?

— Для меня принципиален ваш вопрос об «оглушительном успехе». Все дело в том, что оглушительный успех никак нельзя отождествлять с понятием «массовый успех». Оглушительным он может стать для того или иного зрителя... Если говорить об оглушительном успехе, связывая его с децибелами смеха, и это брать за точку отсчета, то я должен разочаровать какую-то часть зрителей. Принимаясь за «Масенькины трагедии», я прекрасно понимал, что ставлю перед собой другие задачи... Сыграно пока только пятнадцать спектаклей... Кому-то нравится, кому-то нет. Дело вкуса. Во всяком случае, свободных мест в зале я пока не видел... Что касается «Избранного»... Это, конечно же, не «Очевидное — невероятное». Тот спектакль отзвучал свое и покинул сцену. Не по какому-то запрету, а точнее было бы сказать — по возрасту. Как бы выбыл из комсомола... «Избранное» — это спектакль, в котором нет ни одной старой или хотя бы прозвучавшей по телевидению миниатюры...

— Геннадий Викторович, авторы писем хотят знать ваше мнение о наиболее заметных премьерах нового сезо-

на и вообще года. Что порадовало, удивило, что советуете посмотреть и послушать?

— Знаете, тут бы я хотел процитировать Александра Сергеевича Пушкина...

— Одна только просьба, Геннадий Викторович: читателя просят избегать уклончивых ответов. Лучше, как сказано в одном из писем, пользоваться анкетным приемом: нет, не был, не состоялся, не видел...

— Должен вам сказать... Я вам так прямо и скажу... С определенного времени я перестал высказывать вслух суждение о своих коллегах. Я вам скажу почему, тут особого секрета нет: каждый артист, как мы уже говорили, имеет право на свой путь, и, если он выносит что-то на суд зрителей, значит, у него существует субъективная правда, и коллега-актеру, вместо того чтобы его критиковать, лучше своим собственным творчеством доказать свою правоту... А говорить, что не понравилось у того или иного артиста, — это функция прессы, критики, научных конференций... Каждый человек, сделавший какую-то работу, в конечном результате ждет позитивного отзыва. И если его нет... Ну, это все равно, что показать гостям своего ребенка: «Ну, как мы вам нравимся?» И в ответ услышать: «Знаете... Как-то не особенно. Немного кривоногий... Ноги какие-то короткие... Взгляд мутный... Цвет лица...» Кого это обрадует?

Но, если серьезно, наиболее значительной мне показалась работа Карцева и Ильченко в спектакле Жванецкого «Птичий полет». Я вообще считаю, что этот союз актеров и автора сделал

в свое время переворот в нашей эстраде и по уровню мышления, и по способу изложения... Скажу так: мне с Карцевым, Ильченко и Жванецким всегда интересно... И буду очень благодарен тому, кто мне объяснит, почему до сих пор эти артисты, прожившие такую яркую, смелую и гордую жизнь на эстраде, увенчаны лишь высоким званием лауреатов Всесоюзного конкурса артистов эстрады?

— Геннадий Викторович, а вы?

— Что — я, если их двое и с таким автором, и все никак не могут попасться на глаза кому надо?..

— Читатели хотят понять, в какой концертной организации вы работаете и по какому принципу путешествуете по стране?

— Вопрос поездок очень серьезный. И надо сказать, что мои творческие интересы остро столкнулись с интересами Москонцерта — организации, которую я представляю на эстраде... Москонцерт должен посылать артистов в поездки, а филармонии различных областей и республик их принимать. Но в филармониях сидят люди, умеющие считать деньги. Они говорят: «Пришлите нам такого-то артиста, а мы за это примем от вас еще кого-нибудь». То есть они примут других артистов, тоже хороших, но пока еще менее популярных, не принесящих своим именем больших сборов, если получат от Москонцерта, говоря на закулисном жаргоне, «обезьяну» — гастролера, ожидаемого публикой... Словом, не получая никакой прибыли от половины выступлений гастролеров (а вторая половина очень быстро расходуется на

всякие праздничные концерты в самой Москве), Москонцерт начинает смотреть, например, на артиста Хазанова, нехорошо надувая щеки. Или просить его нарушить закон, забыть про «охранную норму» и вопреки любому творчеству заняться лоббизмом денег. А расплачивается за все это артист... Когда же заниматься репертуаром, репетициями, муками творчества, если от тебя требуют непрерывной работы на эстрадном конвейере? Это и есть самый большой конфликт!

— А если артист Хазанов в ответ на просьбу еще поработать откажется, сославшись на усталость или творческие планы, Москонцерт обидится?

— Еще как! Больше того. Сейчас конец 1987 года, и уже сверстан график выступлений на 1989 год...

— Наверное, на 1988-й?

— На 88-й план верстанся в 86-м! Я сейчас должен сдать заявку на те города, в которых захочу выступать через два года...

— Вот тут, наверное, наиболее подходящий случай задать вам вопрос, который волнует многих москвичей: «Правда ли, что Хазанов собирается в ближайшее время уйти (или уже ушел) из Москонцерта?» А директор Магаданской филармонии В. Рубан пишет еще более категорично: «Если хотят, пусть приезжает в Магадан, не обидим!»

— Народ прав в одном: на жену и на работу жаловаться нельзя. Тут же все начинают суетиться, выражать сочувствие, подбирать замену... Слухи о моем уходе преждевременны. Не скрою, хотелось бы, конечно, создать свой театр. Но это вещь не простая, на организацию его (театра) могут уйти годы. Так что предложения мне присылать рано, обьятия Москонцерта еще крепки...

— Геннадий Викторович, я как можно дальше откладывал вот эту самую толстую папку писем, но, видно, ее время все же настало. Коротко говоря, это послания тех, кто еще недавно был в числе ваших самых ярких поклонников, но теперь, после того как вы оказались в конфликте с какой-то армейской аудиторией, они вам в симпатии отказывают. В основном в письмах пересказываются слухи, но и они явно указывают на симптомы «звездной болезни». Хотелось бы услышать о том, что произошло с вами в поездке, именно от вас.

— Случай действительно был крайне для меня неприятный. Это было в Венгрии, в солдатском клубе нашей группы войск. В июле там состоялся мой шефский кон-

церт. Несмотря на предварительную договоренность о том, что офицеры и их жены детей дошкольного возраста с собой брать не будут, все пришли с детьми. На улице 40 градусов жары. В клубе, наверное, все пятьдесят. Вентиляции нет. Дети плачут, им жарко. Один из офицеров части т. Сибилев, однако, позволил присутствие и грудных детей. Можете представить, что началось во время выступления: дети кричат, бегают, родители их успокаивают, те, кто пришел без детей, шикают на родителей... Я уже не говорю о правиле, запрещающем посещение вечерних концертов детям до 16 лет. Я говорю только о взаимном уважении. Зрителям трудно слушать, мне — исполнять. Я прервал спектакль и продолжил его, когда часть самых шумных детей удалась. Каких только унижений в эти десять минут я не вынес! Даже такое: «Конечно, этот концерт шефский, чего же мы хотим?!» — сказал в микрофон Сибилев. По его мнению, выходило, что за деньги я вынес бы любой разгул в зале. Финал у этой истории такой: командование части вручило мне почетную грамоту и цветы. А как только за мной захлопнулась дверь, в Москву было сочинено письмо за подписью подчиненных Сибилева, обвинивших меня во всех смертных грехах. А слухи родились после того, как одна из газет опубликовала это, не побоюсь слова, подметное письмо. Конфликт давно уже исчерпан. Даже из газет, правда, пока устно, я получил извинения, но письма и звонки продолжают идти со всех сторон...

— Не хотелось бы заканчивать наш разговор на такой не слишком праздничной ноте. Может, вспомните какой-нибудь забавный случай из последних ваших гастрольных поездок...

— Есть один. Тоже, кстати, из области слухов. В составе концертной бригады я участвовал в праздничных выступлениях в Кемерове. По возвращении просмотрел газеты, где печатались отчеты о празднике: все фамилии на месте, моей нет. И тут звонок из Кемерова, из филармонии. Слышу ехидный голос:

— Выходит, Геннадий Викторович, вы у нас и не были?

— Да! — отвечаю вполне серьезно. — Мне было некогда. Следите за прессой, скоро буду!

У нас ведь, у артистов, как? Забыли вставить фамилию в газетную информацию, значит, что-то стряслось. У меня к вам личная просьба: моя фамилия Хазанов...